

Глава 2.1.

В первый день экзаменов первым предметом была литература.

Поскольку в журнале он был вторым, Кон Пёнхва сидел в первом ряду экзаменационной группы, а Шин Сэбёк и Чон Сону расположились ближе к концу, друг за другом.

— Кон Пён, пошли в школьный буфет.

— Что будешь брать?

— Ким-ман, ким-ман.

— Хватит жрать столько кимчи-манду. Ты их скоро до полного исчезновения доведёшь своими стараниями. Съел бы лучше пицца-бун. Пицца-буун.

— Заткнись. Я их ем именно потому, что хочу, чтобы они исчезли. Моя миссия — истребление кимчи-манду.

Шин Сэбёк, сидевший позади Чон Сону, для которого единственной причиной приходить в школу было желание съесть кимчи-манду, продававшиеся только в школьном буфете, на самом деле сожалел о том, что случилось вчера.

Вчера он был не в себе.

Совершив этот безумный поступок, он почувствовал необходимость быть начеку и взяться за ум. Возможно, именно поэтому сегодня он чувствовал себя лучше, чем вчера.

Чтобы укрепить свою решимость, Сэбёк ещё раз просмотрел свои записи с ошибками.

Хотя вчера Кон Пёнхва сказал, что проиграет нарочно, Сэбёк не поверил ему.

Кон Пёнхва всегда был легкомысленным во всём, поэтому вчерашние слова, скорее всего, были просто сказаны впустую.

— Эй, Шин Сэбёк учится. Давай быстрее за дам-дам-думплингами.

— Ты имеешь в виду пицца-бун. Пицца бу-у-ун.

Даже сейчас то, как он подмигнул, когда я встретился с ним взглядом, именно это и

доказывало. Он выглядел нормально, но вёл себя так.

Сэбёк глубоко вздохнул и снова сосредоточился на своих записях.

Через пять минут учительница встала за кафедру с экзаменационными листами. Когда компания «Мир и Дружба» в спешке вбежала в класс, учительница, слегка вздохнув, раздала экзаменационные работы без особых выговоров.

«Я справлюсь».

В первый день экзаменов, во время последнего предмета, обществознания, над экзаменационным листом парило лицо Шин Сэбёка.

Кон Пёнхва вспомнил, что случилось вчера на крыше.

Ситуация, когда Шин Сэбёк схватил его и пролил слёзы, была немного, совсем чуть-чуть, захватывающей. Более захватывающей, чем когда он впервые обыграл Шин Сэбёка.

«Неужели мне хочется увидеть, как этот ублюдок плачет?»

Размышляя о своих собственных садистских наклонностях и без запинки решая задачи, Кон Пёнхва, наконец, неторопливо закончив отвечать на все задания с развёрнутым ответом, снова вспомнил о Шин Сэбёке.

«Разве я не обещал проиграть ему? Но как мне сделать это нарочно?»

Для начала, они не были в таких отношениях, где «проиграть нарочно» имело бы смысл.

Их победы и поражения разделяли всего одна-две задачи. Даже если он скажет, что проиграет нарочно, он мог бы на самом деле проиграть, даже если бы изо всех сил пытался выиграть.

«Ах! Но эти глаза».

Проблема была в том, что он постоянно думал о тех карих глазах, полных слёз.

«Раз уж я всё равно проигрываю, может, мне сделать это очевидным. Выложиться по полной в проигрыше».

За 5 минут до окончания экзамена Кон Пёнхва внезапно поднял руку.

— Учительница! Мне нужно поменять мой бланк ответов!

— Просто тихо подними руку. Только руку.

Кон Пёнхва неловко улыбнулся.

Он специально написал ответы, сдвинув их на одну позицию, и продолжал делать это в течение следующих трёх дней.

Кто был более упрямым — Шин Сэбёк или Кон Пёнхва — неясно, но, так или иначе, на этом экзамены первого семестра их первого года старшей школы закончились.

После классного часа шаги Кон Пёнхва по направлению к дому были лёгкими, а шаги Шин Сэбёка — очень тяжёлыми.

«Похоже, он всё решил правильно... А я ошибся в одной задаче...»

Мысль о том, что он, возможно, снова проиграл, охватила его.

Кон Пёнхва приблизился к Сэбёку с ухмылкой, выглядя так, будто он хорошо сдал экзамен. Затем он внезапно протянул свою экзаменационную работу.

Сэбёк с подозрением взял работу Кон Пёнхва и проверил её — тот правильно ответил именно на тот вопрос, в котором ошибся Сэбёк.

Сэбёк дрожащими руками вернул работу.

Кон Пёнхва убрал бумаги в свою сумку и самодовольно усмехнулся.

— Эй.

—...Чего?

Кон Пёнхва, шаркая шлёпанцами, подбирая слова.

Хочет ли он похвастаться победой или высмеять его за то, что он действительно поверил, будто он проиграет нарочно. В любом случае, Сэбёк сейчас не хотел видеть лицо Кон Пёнхва.

— Куда я сейчас иду?

Он вдруг задал странный вопрос, словно подводя к чему-то.

— Домой, конечно же. — Коротко ответил Сэбёк.

— Не-а. Не угадал.

Та манера говорить, по-детски дразнясь, которой пользовался Кон Пёнхва, была невероятно раздражающей.

Хотя Сэбёк нарочно не спрашивал, куда он идёт, Кон Пёнхва всё равно сказал ему.

— Я сейчас иду в учительскую.

— Из-за того, что хорошо сдал экзамен? — Где-то глубоко внутри Сэбёка кольнуло.

— Потому что я перепутал порядок ответов в бланке.

— ...

— По всем предметам.

— ...

— Сейчас меня будут там знатно пилить. А ты идёшь домой отдыхать, да? Я так завидую. — Кон Пёнхва сказал это, демонстративно потирая запястья. — Я всё неправильно отметил из-за того, что у меня руки тряслись. Ах. Этот грёбаный тремор.

Несмотря на его обычные грубые и неподобающие речевые привычки, сегодня, как ни странно, Кон Пёнхва выглядел немного круто.

Звук его шаркающих шлёпанцев эхом разнёсся по коридору.

«Может, он не такой уж и противный парень».

Сэбёк слегка изменил своё мнение о Кон Пёнхва, которое не обновлялось 12 лет.

Прошла неделя.

За это время вышли баллы Кон Пёнхва, и он получил нагоняй от своей строгой матери и был удостоен презрительного взгляда от своего доброжелательного отца.

Честно говоря, он помог Сэбёку, не ожидая ничего взамен, но за одну ночь он превратился из милого второго сына семьи Кон в безнадежного дурака, и уже больше недели Шин Сэбёк не говорил ему ни слова.

«Просто смотрит исподлобья и рта не открывает».

Он думал, Сэбёк хотя бы скажет спасибо, но тот даже не заикнулся об этом и только время от времени сверлил Кон Пёнхва взглядом.

«Я что, прошу корзину фруктов или что-то такое? По крайней мере, просто скажи спасибо. На всякий случай я даже расстарался. Знаешь, как мне тогда влетело, когда я домой пришёл?»

У Кон Пёнхва до сих пор болела спина при одной мысли об этом.

— Это что за баллы? Твои? Ты бунтуешь? А?

— Ну что ты! Наша семья обеспеченная, так что, даже если я буду учиться неважно, вы же сможете отправить меня в университет, проложив путь деньгами?

— И это ты сейчас должен говорить? А? А? А?

— Ай! Ай! Ай! Больно же!

— Я бью, чтобы было больно! Я бью, чтобы было больно!

Подумав, что его мать, возможно, является перевоплощением Тысячерукой Авалокитешвары, Кон Пёнхва ткнул Чон Сону.

— Ким-ман?

— Хаа... Теперь то ты понял великолепный вкус кимчи-манду?

— О чём ты говоришь? Мы идём есть пицца-буны.

Чон Сону цокнул языком. В образе цокающего языком Чон Сону Кон Пёнхва увидел лицо своего отца. Почувствовав, как спина снова заныла, Кон Пёнхва похлопал и потащил Чон Сону в школьный буфет.

Он чувствовал, что ему нужно залечить эту боль пицца-бунами.

Пять минут на очередь, одна минута на еду, две минуты на то, чтобы подняться обратно. Кон Пёнхва провёл десятиминутную перемену эффективно и неторопливо сел за парту.

Он заранее открыл учебник на следующий урок, так как ожидал этого. Но за это короткое время на его учебник была положена записка.

«Не мог бы ты прийти на крышу после уроков?»

Почерк был идентичен записке, полученной на прошлой неделе.

Это означало, что Шин Сэбёк снова отправил записку...

«Этот парень что, не умеет отправлять смски?»

Зачем оставлять такие аналоговые следы? Чтобы взволновать его?

Кон Пёнхва, который на прошлой неделе разволновался, думая, что записка — любовное письмо, теперь возненавидел в этом всё.

Не похоже, что это будет что-то хорошее, и он задавался вопросом, какую чушь Сэбёк собирается нести сегодня на крыше, раз оставляет такую записку.

Кон Пёнхва смял записку и грубо засунул её в карман, думая, что во втором семестре он уничтожит Шин Сэбёка или кого-то там.

Шин Сэбёк наблюдал за Кон Пёнхва орлиным взором на каждой перемене. Затем он количественно оценивал и записывал все высказывания и действия Кон Пёнхва.

[Частота посещений школьного буфета: В среднем 4 раза в день — до классного часа, во время 2-го урока, в обед и на 6-м уроке.

Продукты, съеденные помимо школьных обедов за неделю (школьный буфет): 26 пицца-бунов, 11 пачек картофельных чипсов, 12 банок ионных напитков, 5 банок газировки, 20 упаковок желе, 2 шоколадки, 22 мороженых, 7 пачек лапши быстрого приготовления.

Продукты, съеденные помимо школьных обедов за неделю (доставка): курица без костей, пицца, свинина в кисло-сладком соусе, жареный сондей, ттокпокки, патпинсу, рисовые макароны, торт, макарены.]

Проанализировав пищевые привычки Кон Пёнхва, Шин Сэбёк пришёл к одному выводу:

«Как он может столько есть?»

Словно любопытный щенок, Кон Пёнхва клал что-то в рот, стоило только отвести взгляд.

Более того, будучи первоклассником, он обладал сообразительностью, чтобы уклоняться от глаз учителей, заказывая еду с доставкой прямо в класс третьегодок.

От одной мысли об операции с курицей во время самоподготовки до сих пор потели ладони.

«Какая наглость — вдобавок заказать десерт, когда чуть не попались...»

За неделю наблюдения за Кон Пёнхва у Сэбёка часто отвисала челюсть от его выходок.

Он был потрясён тем, как Пёнхва делал в повседневной жизни вещи, которые Сэбёк даже не осмелился бы вообразить, с такой же лёгкостью, как дышал. С другой стороны, он также чувствовал облегчение. Это было своего рода косвенное удовлетворение.

Возможно, он видел Кон Пёнхва слишком однобоко из-за недоразумений и предубеждений? Возник этот вопрос. Причина, по которой его период наблюдения, начавшийся с желания выразить благодарность и обдумать, какой подарок будет уместен, затянулся, была именно в этом.

Кон Пёнхва был интересен.

Кон Пёнхва, который в детстве задирали его, просто по натуре был игривым.

Ему стало жаль, что он видел его только в негативном свете. Ему было так тревожно из-за необходимости извиниться как следует.

Конечно, у Сэбёка не было намерения извиняться с пустыми руками.

Как только закончились уроки, Сэбёк с уверенностью направился в школьный буфет.

В то время как доставляемая еда всегда была из разных мест, вещи, купленные в школьном буфете, всегда были одними и теми же продуктами. Казалось, что еда из школьного буфета с меньшей вероятностью промахнётся мимо цели в качестве подарка.

— Я впервые вижу Шин Сэбёка в школьном буфете.

На самом деле, Сэбёк был в школьном буфете впервые.

Сэбёк был из тех, кто строго следит за своим рационом, поэтому он вообще редко перекусывал.

— Вам разве не интересно, что он собирается купить?

Примечание переводчика:

Кимчи-манду (김치만두) — корейские пельмени с начинкой из кимчи (квашеной капусты) и, как правило, свинины или тофу.

Пицца-бун (피자부) — популярная в Корее сдобная булочка, начиненная, как правило, сладковатым томатным соусом, колбасой/ветчиной и сыром. Напоминает мини-пиццу в тесте.

Дамп-дамп-думплинги — искаженное, детское или шутливое название тех же манду/пельменей.

Сондей (순대) — традиционная корейская колбаса, которую обычно готовят из свиных кишок, начиненных смесью крови, клейкого риса, перловой крупы, лапши и овощей. «Жареный сондей» — популярное блюдо.

Ттокпокки (떡볶이) — одно из самых популярных блюд уличной еды в Корее: острые рисовые палочки в густом соусе на основе кочудяна (пасты из красного перца).

Патпинсу (팥빙수) — корейский десерт на основе колотого льда с добавлением сладкой красной фасоли, рисовых шариков, фруктов, сгущенного молока и т.д.